

UDC: 82-32

КНИГА ЧЕСЛАВА МИЛОША «ПОРАБОЩЕННЫЙ РАЗУМ» И ПУТЬ К ОСВОБОЖДЕНИЮ МЫСЛИ И ТВОРЧЕСТВА

Луиза Оляндэр

Доктор филологических наук, профессор,
Заведующая кафедрой славянской филологии,
Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки (УКРАИНА),
43025, г. Луцк, проспект Воли, 13,
e-mail: olk32@ukr.net

РЕФЕРАТ

Цель статьи состоит в том, чтобы через анализ структуры, дискурса свойств наррации произведения Чеслава Милоша «Порабощённый разум» («Zniewolony umysł») с привлечением книг О. Богдановой, И. Козлика, Л. Тарнашинской и др. охарактеризовать осмысление типологии и специфики деструктивных процессов в художественном творчестве, вызванных *порабощением разума* в Польше, России, Украине, а также раскрыть сопротивление ему. *Исследовательская методика*. Для анализа использован синтез основных методов и принципов научного исследования, среди которых сопоставительный и герметический методы, взятые в их взаимосвязи и взаимодополняемости. *Результаты исследования*. В статье последовательно рассмотрена антигуманистическая, антинародная сущность и деформирующая личность роль деструктивного процесса, вызванного политикой порабощения разума, раскрыто его бесперспективность, пути сопротивления ему и преодоления его. Основным материалом для раскрытия темы служат «Порабощённый разум» (1951) Ч. Милоша, монография О. Богдановой «Современный взгляд на русскую литературу XIX – начала XX ст.» (2015), книга И. Козлика «Профессия сквозь призму человечности» (2016) и философски-литературоведческая диалогия Л. Тарнашинской «Сюжет Эпохи: Дискурс шестидесятничества в украинской литературе XX века» (2013) и «Украинское шестидесятничество: профили на фоне поколения» (2010). *Научная новизна*. В ходе исследования установлены типологические и специфические проявления деструкции в литературном процессе, порождённые политикой порабощения разума, а также формы противодействия не-свободе личности и творчества в Польше, России, Украине. *Практическое значение*. Полученные результаты исследования могут быть использованы в дальнейшем изучении проблемы свободы и не-свободы творчества, для понимания самого литературного процесса, разворачивающегося в условиях тоталитарного порабощения разума и сопротивления ему. Научные наблюдения и выводы могут быть положены в основу вузовских лекционных курсов по истории польской литературы и литератур Восточной Европы XX века, а также использованы в школьном преподавании истории славянских литератур.

Ключевые слова: диалогичность, (поли)диалог, дискурс, порабощённый разум, свобода / не-свобода, Свой / Чужой, сюжет, текст.

CHESLAV MILOS BOOK «CAPTIVE MIND» AND WAY FOR THOUGHT AND CREATIVITY LIBERATION

Luiza Oliander

Professor Doctor Habilitatus of Philology,
Head of Department of Slavonic Philology,
Lesya Ukrainka Eastern European National University (UKRAINE),
43025, Lutsk, 13 Volya Avenue,
e-mail: olk32@ukr.net

ABSTRACT

Aim. In aim of this article is – through the analysis of the structure, discourse, narrative properties of the work by Cheslav Milos «Captive Mind» (Zniewolony umysł) involving books by O. Bogdanova, I. Kozlyk,

L. Tarnashinskaya etc. to characterize understanding typology and specificity of destructive processes in the art creativity caused by the enslavement of the mind in Poland, Russia, Ukraine as well as to reveal the resistance to it. **Methods.** For the analysis the synthesis of the basic methods and principles of scientific research, including comparative and hermeneutical methods, taken in their interrelation and complementarity is used. **Results of research.** The article deals with the anti-humanist, antinational essence and deforming personality, the role of destructive process caused by the policy of mind enslavement, its futility, ways of resistance to it and overcoming it are revealed. The basic material for topic disclosure is «Captive Mind» (1951) by Ch. Milos, O. Bogdanova's monograph «The modern view of Russian literature of XIX – early XX centuries» (2015), book by I. Kozlyk «Profession though the light of humanity» (2016) and philosophic and literary dilogy of L. Tarnashinskaya «The plot of a Day: Discourse of the sixties in Ukrainian literature of the twentieth century» (2013) and «Ukrainian sixties: profiles against the backdrop of generation» (2010). **Scientific novelty.** In a study typological and specific manifestations of destruction in the literary process, caused by the policy of mind enslavement, and forms of resistance to personal unfreedom and creativity in Poland, Russia, Ukraine are established. **Practical value.** The results of research can be used for further study of the problem of freedom and unfreedom of creativity, for understanding the literary process, carried out under the conditions of totalitarian enslavement of the mind and the resistance to it. Scientific observations and conclusions could form the basis of university lecture courses on the history of Polish literature and other literatures of Eastern Europe of the twentieth century, as well as used in school teaching the history of Slavic literatures.

Key words: dialogicity, (poly) dialogue, discourse, narration, captive mind, freedom / unfreedom, Own / Other, plot, text.

КНИГА ЧЕСЛАВА МІЛОША «ПОНЕВОЛЕНИЙ РОЗУМ» І ШЛЯХ ДО ЗВІЛЬНЕННЯ ДУМКИ І ТВОРЧОСТІ

Луїза Оляндер

Доктор філологічних наук, професор,
Завідувач кафедри слов'янської філології,
Східноєвропейський національний університет імені Лесі Українки (УКРАЇНА),
43025, м. Луцьк, проспект Волі, 13,
e-mail: olk32@ukr.net

РЕФЕРАТ

Мета статті полягає в тому, щоб через аналіз структури, дискурсу, властивостей нарації твору Чеслава Мілоша «Поневолений розум» («Zniewolony umysł») із залученням книг О. Богданової, І. Козлика, Л. Тарнашинської та ін. охарактеризувати осмислення типології й специфіки деструктивних процесів у художній творчості, що викликані *поневоленням розуму* в Польщі, Росії, Україні, а також розкрити опір йому. **Дослідницька методика.** Для аналізу використано синтез засадничих методів і принципів наукового дослідження, серед яких є зіставний та герменевтичний методи, що взяті в їхньому взаємозв'язку й доповненні. **Результати дослідження.** У статті послідовно розглянуто антигуманістичну, антинародну сутність і деформуючу особистість роль деструктивного процесу, який був викликаний політикою поневолення розуму, розкрито його безперспективність, шляхи опору йому та подолання його. Основним матеріалом для розкриття теми слугують «Поневолений розум» (1951) Ч. Мілоша, монографія О. Богданової «Сучасний погляд на російську літературу XIX – початку XX ст.» (2015), книга І. Козлика «Професія крізь призму людяності» (2016) і філософічно-літературознавча діалогія Л. Тарнашинської «Сюжет Доби: Дискурс шістдесятництва в українській літературі XX століття» (2013) і «Українське шістдесятництво: профілі на тлі покоління» (2010). **Наукова новизна.** В ході дослідження встановлено типологічні й специфічні прояви деструкції в літературному процесі, викликані політикою поневолення розуму, і форми опору не-свободі особистості та творчості в Польщі, Росії, Україні. **Практичне значення.** Одержані результати дослідження можуть бути використані для подальшого вивчення проблеми свободи і не-свободи творчості, для розуміння самого літературного процесу, що здійснюється в умовах тоталітарного поневолення розуму і опору йому. Наукові спостереження і висновки можуть бути покладені в основу лекційних курсів у вишах із історії польського красного письменства та літератур Східної Європи XX століття, а також використані в шкільному викладанні історії слов'янських літератур.

Ключові слова: діалогічність, (полі)діалог, дискурс, поневолений розум, свобода / не-свобода, Свій / Чужий, сюжет, текст.

...смысл существования человека в самосовершенствовании духа своего, – выше этого нет цели в мире. В этом красота разумного бытия – изо дня в день все выше восходить по нескончаемым ступеням к сияющему совершенству духа. Тяжелее всего человеку быть человеком изо дня в день. <...> А ведь ...перед каждым человеком стоит неизбывная задача – быть человеком, сегодня, завтра, всегда. Из этого складывается история.

(Чингиз Айтматов. *Плаха*)

Орієнтація на діалогічну нарацію, що передбачає відкритість до полеміки, прозорий методологічний вибір. <...> ...шлях до істини не можна присвоїти, і ...індивідуальні зусилля окремого дослідника покликані далі просунути усіх, цілу науку, яка твориться колективно.

(Ігор Козлик. *Професія крізь призму людяності*)

Книга Чеслава Милоша «Порабощенный разум» («Zniewolony umysł») была написана в 1951 г.¹ Возникшие в условиях конкретной политической ситуации милошевская мысль и образность сегодня приобретают не меньшую актуальность, акцентируя взгляд современного реципиента на вопросах онтологического и экзистенциального свойства – о свободе и не-свободе, в т. ч. и творчества, о выборе, об отношении Свой / Чужой, о противостоянии, его цене и т. д. Не менее важна и вечная проблема, емко сформулированная Л. Тарнашинской на украинском языке: «Сюжет Доби». Иначе и расширительно: Эпоха, ее сюжет и границы свободы в ней. Слово польского писателя, как и каждое слово – диалогично (М. Бахтин), а это означает, что реципиент, вдумчиво вчитываясь в текст «Порабощенного разума» и размышляя над ним, во-первых, пропускает его через свою ментальность и историю своего народа, ибо книга *не безразлична к тому месту и времени, где и кем она прочитывается* (Ю. Кристева); во-вторых, она открыта для полеміки, для (поли)диалога. Милошевский труд стимулирует осмысление своего прошлого в контексте европейской истории, дает возможность выявить не только многие формы и способы порабощения разума, но и противостояние ему, а также освобождение из его пут. Айтматовское: «Как человеку человеком быть...» – неслучайно возникло в последней трети XX века, о чем говорится Ч. Милошем и в «Порабощенном разуме», в подтексте которого выражение киргизского писателя возникает уже в форме вопроса тогда, когда речь идет о драме *Альфы* (Ежи Анджиевского). Но особенно остро этот вопрос звучит на страницах, посвященных трагедии *Беты* (Тадеуша Боровского). Сказанным определяется и **цель** статьи, состоящая в том, чтобы, через анализ структуры, характера дискурса, свойств наррации, в опоре на синтез сопоставительного и герменевтического методов и современных принципов научного исследования охарактеризовать типологию и специфику процесса *порабощения разума* и сопротивление ему в Польше, России, Украи-

¹ Реакции на книгу Ч. Милоша «Zniewolony umysł») подробно описаны А. Франашеком в книге «Miłosz», – глава «Wróg ładu – człowiek» [5, s. 486–497].

не. Основным материалом для раскрытия темы служат «Порабощенный разум» (1951) Ч. Милоша, монография О. Богдановой «Современный взгляд на русскую литературу XIX – начала XX вв.» (2015), книга И. Козлика «Професія крізь призму людяності» (2016) и философско-литературоведческая диалогия Л. Тарнашинской «Сюжет Доби: Дискурс шістдесятництва в українській літературі XX століття» (2013) и «Українське шістдесятництво: профілі на тлі покоління» (2010). Выбор не является случайным: рядоположенные исследования польского, русского и украинских ученых побуждают, говоря словами Р. Громяка, наследуя его заветам, аналитически «перечитывать каждую страницу своей истории» [7, с. 281–285], литературы и суждений о них. Они способствуют порождению новых интенций, что означает бесконечный путь к себе.

Внимательное прочтение книги Ч. Милоша свидетельствует о том, что он, сосредоточившись на особенностях ситуации *порабощения разума* в первой половине XX в., исходил из того, что это проблема вечная.

«О периодах строгой ортодоксии в истории христианской Церкви, – пишет В. Британишский², – Милош вспоминает не ради красного словца. Он подчеркивает этим, что проблемы борьбы интеллектуалов против давления очередного господствующего мировоззрения, проблемы борьбы за свою личность, за „право на себя“ – это не только „локальные“, но и не „временные“ проблемы, они существовали и тысячу и две тысячи лет назад» [3, с. 11].

Акцентируя внимание на этой проблеме, называя имена Ш. Л. Монтескье, А. Радищева, И. Крылова, В. Британишский предполагает, что Ч. Милош, вероятно, помнил строки не из радищевской оды «Вольность», а из поэмы Александра Попа (Поупа) «Опыт о критике»:

With Tyranny then Superstition join'd,
As that the body, this enslaved the mind.

Тогда Тщeverие с Тиранством вшел в союз,
Как тело, так и ум стягчили игом уз.
[См.: 3, с. 10].

И хотя есть более современные переводы, например А. Субботина, В. Британишский умышленно остановился на том, который был сделан князем С. Ширинским-Шихматовым (1783 или 1785 – 1837). Поясняя свой выбор, исследователь подчеркнул, что С. Шихматов «смысл передал очень точно, а *утяжеленность* его перевода вызывает лишь уважение и придает вес этой вечной теме» [3, с. 10]³. Но если вспомнить трагические судьбы Василя Симоненко, Ивана Светличного, Василя Стуса, Аллы Горской и многих других, то

² Британишский Владимир Львович (1933 – 2015) – поэт, прозаик, переводчик, теоретик перевода, исследователь и комментатор переводимых поэтов, который еще в годы своего становления, совпавшие с «оттепелью», «раздвигал рамки дозволенного» и всю свою творческую жизнь оставался «верным идее свободолюбия, суверенитета человек[еской] личности». Его знания польской литературы были фундаментальны. Им, совместно с женой поэтессой Н. Г. Астафьевой (1922 – 2016) осуществлён перевод грандиозного двухтомника «Польские поэты XX века» (СПб., 2000) – собрание, какого, по признанию польской стороны, нет на родном языке. Им осуществлён перевод книги Ч. Милоша «Порабощенный разум» и стихов многих польских поэтов, в частности З. Херберта, С. Е. Леца, Т. Ружевича и др. [см. об этом: 4, с. 311–312; 13].

³ Тут и далее курсив мой (Л. О.).

ассоциативно эта *утяжеленность* еще явственнее подчеркнет *тяжесть* их крестного пути – каждый взошел на Голгофу, отстаивая право быть самим собою. Однако только констатировать это – недостаточно, следует глубоко осознать общенациональную и общечеловеческую значимость их *самопожертвования*, их *само-* и *противостояния поработению разума*. Значительным вкладом в этот процесс является монография Л. Тарнашинской «Сюжет Доби...», нацеливая реципиента на философию *персонализма*. Исследовательница акцентуирует на том, что *персонализм*, идя дальше экзистенциализма, трактуящего человека, стоящего перед выбором как уникальное, неповторимое существо, – позиционирует и развивает постулат про сущность *экзистенции* и *трансценденции* как один из фундаментальных признаков личности, которые объединяются «не только в переживании, а и в *бытии*» [18, с. 94–95]. Остановившись на поэтике граничного бытия, Л. Тарнашинская высказала мысли, которые в конечном своем значении перекликаются с мыслью Ч. Милоша, утверждавшего, что поработение разума приводит к пустоте и абсурду (в структуре его книги эти понятия выделены в отдельные абзацы). Актуализируя метаграничное Бытие, согласуясь с Н. Хамитовым [8, с. 177] и приводя в доказательство строки из В. Стуса – «Ти в межипросторі. І – посеред. / Життя і смерть – оце і вся вистава» и ряд др., выражающие поэтику *граничного бытия*, Л. Тарнашинская пишет: «...так окреслює поет його простір, вияскравлює модуси самоідентифікації та самопрезентації особистості, адже в „граничному житті треба **ставати**, а не бути. Інакше і страждання, і життя, і смерть, і **саме Буття** здаються нам абсурдними. А самотність граничного буття – гранична самотність – постає безвихідною. Саме тому граничне буття не може не виступати лише **моментом переходу у інший стан**, а не кінцевістю та завершеністю» [8, с. 177]. Тож опозиція *бути/здаватися*, що була визначальною в дискурсі шістдесятництва, розгортається в топології життєвого й творчого шляху в русі самодоростання, самонабуття як потреби самовдосконалення, що особливо виразно маркується в поезиці В. Стуса, який свідомо персоніфікує й темпоралізує максимуму *бути/залишатися собою* до нового, вищого виміру – **ставати**» [18, с. 95–96].

Самопожертвование В. Стуса делает его фигурой знаковой. Он является тем, кто продолжал идти дорогой *непокоренного разума*, он был одним из тех, кто мог бы продолжить список героев духа, названных в стихотворении З. Герберта «Przesłanie Pana Cogito»: «idź bo tylko tak będziesz przyjęty / do grona zimnych czaszekdo grona twoich przodków: / Gilgamesza Hektora Rolanda / obrońców królestwa bez kresu i miasta popiołów. / Bądź wierny Idź»⁴ [6, s. 88–89].

Сказанное лишний раз подчеркивает, каким является сделанный Ч. Милошем выбор «Персидских писем» Ш. Л. Монтескье, особенно, если вспомнить «ПИСЬМО CLXI. Роксана к Узбеку в Париж», где она перед смертью исповедально призналась в своей независимости: «Я жила в неволе, но всегда была

⁴ Иди ибо только так будешь принят / в грона холодных их черопов, /в грона твоих предков: Гильгамеша Гектора Роланда / защитников королевства без границ и городов пепла /. Будь верен. Иди. (Подстрочник мой. – Л. О.).

свободна: я заменила твои законы законами природы, и ум мой всегда был независим». Чтобы выжить в гареме, сохранив статус любимой жены Узбека, Роксана не притворялась: она эту роль искусно, как актриса, играла. И Ч. Милош раскрывает существование такого вида массовой – наподобие театральной – игры при тоталитарных режимах XX в. в Европе. Такая игра «оформилась в постоянную институцию и получила название: кетман» [11, с. 57], а человек, вынуждено включившись в нее, становился актером в жизни, т. е. кетманом. Заимствовав это емкое слово из книги французского дипломата, ориенталиста, философа и «опасного писателя» (Ч. Милош) Жозефа Артюра де Гобино «Religions et Philosophies dans l'Asie Centrale», но не разделяя его расистских идей, автор «Порабощенного разума» классифицировал *кетмана* и установил шесть разновидностей этого типа жизненного поведения: *кетман революционной чистоты, эстетический кетман, кетман профессиональной работы (учёный или писатель), скептический кетман, метафизический кетман, этический кетман* [11, с. 61–66].

Для освещения поднятого в статье вопроса наибольшее значение приобретают первые три типа кетмана, на которых следует остановиться подробнее.

Кетман революционной чистоты. «Это редкая разновидность, более обычная в больших городах России, чем в народных демократиях. Она заключается в вере в революционный „святой огонь” эпохи Ленина, тот огонь, символом которого является, например, поэт Маяковский. Самоубийство Маяковского в 1930 году как бы обозначало конец этой эпохи» [11, с. 61].

Эстетический кетман. «Человек с хорошим вкусом не может трактовать всерьез результаты официального режима в области культуры... <...> ...и притворяется, что проекты угрюмой, тяжелой архитектуры новых зданий ему кажутся убедительными. Но у себя дома этот человек меняется» [11, с. 61].

Кетманы профессиональной работы:

а) *учёный*: «Если ты ученый, ты принимаешь участие в съездах, на которых произносятся положенные доклады в строгом согласии с линией партии. Но у себя в лаборатории ты продвигаешь свои исследования, оперируя научными методами, и в этом видишь цель жизни. <...> Результаты, достигнутые во имя бескорыстных поисков истины останутся надолго, а политики покричат и исчезнут. Нужно делать все, чего требуют, пусть они пользуются моим именем, если благодаря этому я имею лабораторию и деньги на приобретение инструментов» [11, с. 63–64]. В русской литературе переход оппозиционного героя и интеллектуала – физика Штрума – на позицию кетмана профессиональной работы раскрыл и психологически обосновал в своей дилогии «Жизнь и судьба» В. Гроссман.

б) *писатель*. Конкретика этой части текста характеризует положение кетмана-писателя в Польше, где давление идеологии Центра было менее сильным, чем в СССР, особенно на Украине, а выражения лояльности имело свои специфические черты. «Если ты писатель, – пишет Ч. Милош, – ты считаешь на полке изданные тобой книги. Вот работа о Свифте. Она написана с применением марксистского анализа. Анализ этот, однако, позволяет очень хорошо вникнуть в исторические явления, и анализ этот не равнозначен Методу и

Новой Веры. Маркс был гениальным наблюдателем. Подражая ему, ты застрахован от нападков, поскольку он занимает место пророка, а то, что ты признаешь Метод и Новую Веру, – это можно написать в предисловии, выполняющем ту же задачу, что и посвящения королям и императорам в минувшие времена. Вот перевод мой длинной поэмы шестнадцатого века; разве это не есть нечто такое, что остается надолго? Вот мой роман, сюжет которого взят из далекого прошлого; я старался в нем как можно вернее представить события. Вот мои переводы с русского, это у нас любят, и они принесли мне много денег, но ведь Пушкин на самом деле великий поэт, и ценность его не меняется от того, что ныне он служит Ему как средство пропаганды» [11, с. 64]. В этом фрагменте особое внимание обращают на себя две фразы-уточнения польского писателя-аналитика: первая – книга «...написана с применением марксистского анализа»; вторая – «Анализ этот не равнозначен Методу и Новой Вере», ибо они указывают на метаморфозу мировоззренческого и методологического характера. Часто повторяемое идеологами в СССР, как заклинание, модифицированное выражение Ф. Энгельса (1820–1895), выступившего в письме к А. Ф. Зорге от 29 ноября 1881 г. против доктринерства и догматики: «Марксизм не догма, а руководство к действию», – на практике превратилось в утверждение догматизма, который поработал разум. Однако человек не мог с этим смириться окончательно: появился кетман. И подводя итог своей классификации, Ч. Милош пишет: «Кетман заключается, <...> в реализации себя вопреки чему-нибудь». И так как на всякое действие есть противодействие, то вечна и парадигма: *порабощение разума – сопротивление порабощению*. И хотя Ч. Милош не приводит широко известных слов украинского философа Г. Сквороды – «Світ мене ловив, але не впіймав», – но ассоциативно они возникают тогда, когда, вроде бы, победное шествие порабощения разума – вдруг! – наталкивается на сопротивление и в конечном счете оказывается преодоленным и поверженным. А имена Т. Шевченко, В. Стуса, Е. Сверстюка, З. Гербета, И. Бродского и др. являются и символами непокоренного разума. Противостояние – например, в Украине – проявлялось разнообразно. Так, им был и роман Олеся Гончара «Собор» (1968), и «Енергія прогресу» Микола Руденко, и художественно-эстетическая направленность рассказов Евгена Гуцало – в частности, в сб. «Хустина шовку зеленого» (1966) или «Запах кропу» (1969) и т. д. Ценой такого противостояния нередко была жизнь, о чем говорит, с одной стороны, судьба В. Стуса, с другой – Григора Тютюнника.

Политика порабощения разума вела к смерти не только *кетмана революционной чистоты* (В. Маяковского и М. Хвильевого), но и *этического кетмана* А. Фадеева. Кроме того, при подавлении разума происходит и деформация личности, проявляются разные формы страха, в том числе и та, на какую обращает особое внимание Ч. Милош – страх сказать не то, что приводило к самоцензуре. И появлению такого типа писателей-угодников, сделавших карьеру, как Е. Путрамент («Гамма»). В Украине этот тип воссоздан Линой Костенко в стихотворении «Мимовільний парафраз»: «Поет, не дорожи любовію народної / бо не народ дає тобі чини...» [9, с. 160]. Тут необходимо отметить, что *разум и мировидение человека*, в т. ч. и творческого, всегда были

объектом, если не для порабощения, то хотя бы для подчинения или давления на них не только для тоталитарного государственного уклада и власти, а и для многих других внешних сил. И Ч. Милош не забывает об этом. Идеологические, религиозные, политические представления, интересубъективное сознание, установившиеся взгляды, традиции вынуждали писателя считаться с ними, идти на определенные уступки, наступая, так или иначе, на *горло собственной песни*. Как показывает история – это не проходило бесследно, отражалось на замысле. Эти моменты четко прослеживаются О. Богдановой, когда речь заходит о комедии А. Грибоедова «Горе от ума», рассказе А. Чехова «Ионыч», о его пятой главке. Рядоположенные книги О. Богдановой и Ч. Милоша создают в сознании реципиента поле напряжения, в котором реализуются взаимные оттенки смыслов. Особенно четко выветливается отличительный характер грибоедовских и чеховских уступок: они – не приводили к *порабощению* разума писателей.

В то же время не менее важно помнить и мысль Р. Барта, писавшего о тексте: «...он представляет собой само зрелище производства, где встречаются производитель текста и его читатель: текст «работает» ежесекундно, с какой стороны к нему ни подойди; даже будучи записан (закреплен), он не прекращает работать, поддерживая процесс производства» [цит. по: 17, с. 52].

В новое время своеобразным *обратным чтением* (Н. Гей), в свете книги Ч. Милоша хорошо известные и глубоко, кажется, всесторонне изученные тексты национальных литератур, в т. ч. и русской, начинают приобретать новые оттенки смыслов, ранее, на наш взгляд, недостаточно актуализованные. Думается, что за пушкинской «потребностью „высшей свободы”» (Д. Мережковский), за его кредо «Отчёта не давать, себе лишь самому служить; / Служить и угождать; / для власти, для ливреи / Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи...» [16, с. 369] – за всем этим стоит и неутолённое желание быть услышанным.

В свете сказанного трудно переоценить значение межкультурного диалога, который возникает при рядоположении не только художественных текстов, но и литературоведческих. Такой диалог, участником которого является реципиент, служит опорой для дальнейшего противостояния порабощению разума.

Литературоведческие исследования разных авторов, созданные независимо друг от друга, но сопоставленные в межкультурном диалоге, как и художественные произведения – например, изданные под одной обложкой, по желанию В. Некрасова, его роман «В окопах Сталинграда» и роман Г. Белля «Где ты был, Адам?», – могут быть на какой-то момент условно взяты за «единый гипертекст». Это своего рода экспериментальный приём, позволяющий обнаруживать те свойства, которые не сразу бросаются в глаза, если воспринимать каждую из книг в отдельности. Так, книга Ч. Милоша, бросая ответ на «Современный взгляд на русскую литературу XIX – начала XX вв.» О. Богдановой, наталкивает на мысль, что монография исследовательницы пронизана – это и позиция автора – стержневой идеей противостояния *порабощению разума*. Книга О. Богдановой дополняет книгу Ч. Милоша тем,

что лежит у неё в подтексте, помогая вспомнить те ситуации, при которых писатель испытывал на себе давление с разных сторон.

Здесь нет возможности глубоко и аргументировано доказать этот тезис, требующий отдельной статьи. Но обратить внимание на возникшие интенции / ассоциации, вероятно, необходимо. Монография О. Богдановой имеет своеобразную структуру: она состоит из статей-глав [см. об этом: 13]. Её открывает статья «Сценическая поэма» А. Грибоедова «Горе от Ума». И тут сразу информированный реципиент вспоминает, что у Ч. Милоша «на какое-то время ...любимым поэтом, прозаиком и мыслителем становится Свифт», которого польский писатель «выбирает патроном своей новой книги стихов» – «Дневной свет» («Światło dzienne», 1953) [см.: 3, с. 8]. Внимание Ч. Милоша привлекла сочинённая Д. Свифтом самому себе эпитафия: «Большой был грех за Свифтом: грех ума». «Грех ума» проявлялся в независимости мысли, в неприятии лжи и лицемерия, в протесте и дерзости... И тут обнаруживается, что «Грех ума» (Д. Свифт) – «Горе уму» – «Горе от ума» (А. Грибоедов) – все эти определения так или иначе соотносятся с Чацким, характеризуя его и его поступки.

О. Богданова, отмечая смыслообразующую роль смены названия комедии – «последнее известное „Горе уму” было заменено автором „Горем от ума”» [2, с. 31], – приходит к важному выводу, что в результате «мотивы сиюминутные, временные и вечные – социально-политические столкновения идей – оказались вытесненными сверх-временными и вечными – судьба личности и общества, положение личности в государстве, вечная неизбежность столкновения нового и старого. Неизбежность столкновения, но не непримиримого. Неизбежность философская» [2, с. 31]. Этот вывод приводит к интенциям, направленным уже и на осмысление истории жестокого и кровавого XX века. В его ситуациях проблема *горе от ума*, сохраняя свою над-временную сущность, что справедливо подчеркнуто О. Богдановой, не утрачивает трагизма, вытекающего из социально-политических столкновений идей, что отразилось на судьбах, в том числе отцов и детей. Более того, в сознании информированного читателя активизируется и предыдущее название: «Горе уму». И при сопоставлении комедии А. Грибоедова с книгой эмигрировавшего из Польши Ч. Милоша, с тем моментом его текста, где он пишет: «Все, что я могу, – это констатировать, что в конце концов я удалился» [11, с. 64], вдруг (!) раскрывается смысловая ёмкость самого заглавия грибоедовской комедии – «Горе от ума». Оно в новом историческом контексте предстает как претекст к вечной теме *порабощения разума*, ибо говорит о непримиримости с порабощением, о противостоянии ему и цене противостояния. И возглас Чацкого: «Карету мне карету!..» воспринимается уже как своего рода метафора / код, превращающаяся в формулу, которая со временем, в другую эпоху, выходя за границы грибоедовского текста, включит в себя и эмиграцию, в т. ч. и внутреннюю. Но иногда – это было уходом из жизни. Не случайно Ч. Милош пишет не только о самоубийстве Ст. Виткевича, Т. Боровского, но и В. Маяковского. К этому списку можно добавить и имя М. Хвелевого, поскольку его призыв «Прочь от Москвы!» («Геть від Москви») – это своеобразная парафраза выражения

«Карету мне, карету!». Как известно, украинский писатель выступал против тех, кто копировал готовые формы и художественные средства современной ему – он ее называл мещанской – русской литературы, считая это раболепством, и призывал ориентироваться на Европу *Гете, Дарвина, Байрона, Ньютона, Маркса* и т. д. [см. об этом: 1]. Таким образом, Ч. Милош своим анализом расширяет перед реципиентом и исторические, и географические границы, в которых действует политика порабощения разума.

Следующая статья в монографии О. Богдановой озаглавлена пушкинской фразой: «Наше описание вернее...», которая в сопоставлении с милошевским аналитико-философским осмыслением сущности и разновидностей явления *порабощённого разума* указывает на то, что сопротивление этому явлению становится путём к истине. Это касается и пересмотра О. Богдановой привычных концепций, что не означает огульное отрицание и бездумное *сбрасывание с корабля истории...* Но свидетельствует о том, что устаревшее остается только в ней... Об отказе от инерции (а это один из принципов Ю. Тынянова) свидетельствует оглавление очередной статьи тургеневской фразой: «Кто тут прав, кто виноват <...> решить не берусь». Всё это говорит о призыве к продуктивному диалогу. И эта позиция в определенной мере созвучна со словами старого еврея из Прикарпатья, которые Ч. Милош взял эпиграфом к своей книге и которые стали его кредо: «Если двое спорят, и у одного из них честных 55 процентов правоты, это очень хорошо, и нечего больше желать. А если у кого 60 процентов правоты? Прекрасно, великое счастье, и пусть он благодарит Господа Бога! А что сказать о 75 процентах? Мудрые люди говорят, что это весьма подозрительно. Ну а что на счет 100 процентов? Тот, кто утверждает, будто он прав на 100 процентов, это страшный злодей, паскудный разбойник, прохвост величайший» [11, с. 23].

Если произведение – модель жизни, то оно, как и жизнь, поворачивается многими своими сторонами, представляя как нечто новое, еще не увиденное. Обнаружение этого нового возможно, если глубина анализа предполагает сохранение непосредственности восприятия текста при пристально внимательном чтении текста (этому, кстати сказать, придавал большое значение Алексей Чичерин [см. об этом: 10, с. 44]). Всё это, свойственное также и методологическому подходу О. Богдановой, служит порукой свободы научного мышления, спасает разум от инерции устоявшихся концепций.

Касается О. Богданова, как и Ч. Милош, пограничной ситуации, когда писатель, испытывая давление «порабощающего разума», становится на путь сопротивления ему. В этом отношении интерес представляет статья «„Реальная критика“, или как сделана „Гроза“ А. Н. Островского». Исследовательница не случайно в эпиграф поставила слова Н. Чернышевского: «Чтобы создать сценические образы большой обобщающей силы, надо понять смысл происходящих в жизни перемен» [2, с. 148]. Дело в том, что ключевое словосочетание – «надо *понять* смысл перемен» – вводило в ситуацию диалога и выбора. А. Островский представлен человеком, попавшим в центр столкновения противоречивых концепций действительности. Не желая изменять себе, художник проделывал порой сложный путь борьбы с самим собой: он отходил от себя прежнего под

влиянием идеологических авторитетов, а затем, пройдя через нравственные испытания, прислушиваясь к собственному голосу, возрождался (полингенезис). На первый взгляд, если не обращать должного внимания на стилевые особенности статьи, может показаться, что исследовательница идет стопами А. Ревякина и Г. Пospelова след в след, но это не так. О. Богданова концентрирует внимание на длительности сроков написания «Грозы», что содействует возникновению между писателем и реципиентом своеобразной *параллельной трансакции* [см.: 15, с. 14]. т. е. мысленно «вербализованного» (или «вербализуемого») совместного с писателем эмоционального переживания. За той частью богдановского текста, где речь идет о «Воспитаннице», невольно ощущается состояние драматурга. Угадываются его сомнения, колебания – и наконец, приходит решение и делается выбор: с доверием к художественному чутью, оставаясь верным своему таланту и художественной правде, А. Островский выходит на свой магистральный путь: от признания славянофила Ап. Григорьева – через критику Н. Чернышевского и влияние Н. Добролюбова – от неудачной «Воспитанницы» – к триумфальной «Грозе» – и наконец, к своей палингенезису (воскресению) – «Бесприданнице». А. Островский находит в себе силы для нового этапа в своем творчестве. Он избегает *порабощения разума* и отвечает на запросы времени своим видением. Образ Волги в «Бесприданнице» соотносится с образом России, а течение великой реки и пароход «Ласточка» (ее полет) вызывает в памяти гоголевскую боль: «Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа». Ч. Милош оказался в похожей ситуации, типологически он шёл тем же путем высвобождения и описал его. Косвенно это помогает уловить и характер переживаний А. Островского.

Книга Чеслава Милоша «Порабощенный разум» – как путь к освобождению мысли и творчества – способствует под этим углом зрения воспринять такие фундаментальные философско-литературоведческие труды, как своеобразная диалогия Л. Тарнашинской – монографии: «Сюжет Доби: Дискурс шістдесятництва в українській літературі ХХ століття» (2016) и «Українське шістдесятництво: профілі на тлі покоління (Історико-літературний та поетикальний аспекти» (2010). Характеризуя литературный процесс 60-х гг. прошлого века, исследовательница обратила особое внимание на такие существенные моменты, как *полифония* самого явления и много-направленность его изучения: «Українське шістдесятництво, – пише Л. Тарнашинська, – що постає поліфонічним явищем-синергемом із його першим, другим і третім планами, з різними його дискурсами й під дискурсами, чим і визначаються різні вектори досліджень, із, відповідно, різним їх дослідницьким результатом та різночитанням у різних проєкціях, є надзвичайно цікавою моделлю структури людського дискурсу» [18, с. 87].

Наиважнейшим планом *явления-синергема* является план противостояния шестидесятников *порабощению разума*, что является стержнем литературоведческой диалогии Л. Тарнашинской. Этот план нашел свое емкое и выразительное выражение в монографии «Українське шістдесятництво: профілі на тлі покоління», прежде всего уже в заглавии первой главы – «Художественное время как категория индивидуального „Я“: творчество Лины Костенко» («Ху-

дожній час як категорія індивідуального „Я”: творчість Ліни Костенко») [18, с. 25], в подзаголовках других глав: «Ты сам – свобода» («Ти сам – свобода») [19, с. 59], «По эту сторону, где Свитличный» («По цей бік, де Світличний») [19, с. 62], «Свобода мысли, духа и действия» («Свобода думки, духу й чину») [19, с. 217], «Индивидуализация голоса» («Індивідуалізація голосу») [19, с. 574] и др. Парадигматичность заглавий очевидна: *свобода – не свобода*, хотя вторая часть парадигмы только подразумевается, например, «По эту сторону, где Свитличный».

Надо отметить схожесть основных принципов подхода к теме у Л. Тарнашинской и Ч. Милоша, что отразилось на структуре текстов: у каждого сначала идет философский анализ явления, а затем воплощение его в судьбах и поступках людей. Однако при рядоположении становится очевидным то, что они акцентируют разные стороны парадигмы: Ч. Милош – не-свободу (порабощённый разум), Л. Тарнашинская – свободу духа (не-порабощённый разум) в условиях не-свободы («порабощения разума»). Если Ч. Милош основное внимание обратил на типы кетманов, то Л. Тарнашинская – на те человеческие типы, которые никогда не признавали позицию кетмана. Другое обстоятельство, позволяющее рассматривать книги Л. Тарнашинской в контексте «Порабощённого разума» Ч. Милоша: польский писатель в главе «Балты» пишет, что в Украине в 30-е гг. была уничтожена творческая интеллигенция; Л. Тарнашинская показывает, как репрессивный каток прошелся по шести-десятникам, т. е. в иную эпоху.

В этом контексте нельзя обойти вниманием и книгу И. Козлика «Професія крізь призму людяності» («Профессия сквозь призму человечности»), которую правомерно можно отнести к событиям в современном литературоведении. Подкупающая своей искренностью, глубиной анализа научных концепций А. Чичерина, М. Теплинского, Ю. Султанова, М. Гиршмана, Н. Копыстьянской, Н. Крутиковой, Р. Громяка, С. Павлычко, выразительностью портретных зарисовок, она, как и его документальный фильм «Академік Дмитро Наливайко» (2016)⁵, занимает особенное место в ряду произведений, где говорится о *противостоянии порабощению разума* в науке о литературе, в теории и истории.

Книгу «Професія крізь призму людяності» можно отнести к мемуарному жанру. Визуальный ряд и часть смыслообразующих элементов утверждает в правильности такого жанрового определения. Так, в книге акцентировано присутствие личности автора, что нашло свое отражение в дикурсе:

– «...героями ...є вчені ... які траплялися на моєму шляху ... долучилися до формування моєї фахової та людської особистості» [10, с. 7];

– «...мій учитель і наставник у науці і житті, доктор філологічних наук, професор Марко Вініамінович Теплінський...» [10, с. 11];

– «...я хочу запропонувати варіант семіотичної проєкції творчого доробку Ю. І. Султанова. <...> Це те, що для мене особисто є найважливішими уроками Султанова» [10, с. 22];

⁵ Фильм можно посмотреть здесь: <https://www.youtube.com/watch?v=Te3XxjFy2mo>

- «...не враховує, як на мене, позитивного досвіду...» [10, с. 34];
- «...я розумію ті теоретичні положення ученого» [10, с. 58];
- «Мені не вдалося з'ясувати достеменно, кого зі своїх вишівських викладачів ... Роман Теодорович вважав своїми вчителями» [10, с. 91];
- «Для мене особисто у розмові про професора Романа Гром'яка на передній план виходить ще й інший аспект. <...> Роман Теодорович завжди зважав на присутність <...> живої людини з її конкретною долею...» [10, с. 22];
- «Я завжди пам'ятатиму наші зустрічі у Ніни Євгенівни... <Крутікової> де ми обговорювали проблеми літературознавства, стан сучасної літератури, мої наукові плани і загалом життя» [10, с. 150];
- «Якими словами я зараз не говорив про дорогого для мене Базиля Яновича, ніщо не зможе замінити його живого голосу...» [10, с. 169].

Всё пропущено через личный опыт, через продумывание, переживание не отдельных идей, а целостного мира учёного, где идеи были константами. Иногда согласованность И. Козлика с тем или иным ученым является настолько органичной, что ему трудно бывает полностью от него дистанцироваться, и он, пребывая с ним в состоянии творческого диалога, определяя роль векторных литературоведческих тем, сквозных в своей традиционности, по-гадамеровски проясняет его позицию. Например, «Говорити про теоретико-літературні напрямлення професора М. М. Гіршмана – це говорити також про власне методологічні аспекти теорії» [10, с. 58]. Или: «...для М. В. Теплінського літературознавча студія була не жонгливанням інтерпретаціями і не оформленням викладу вже відомого, а поставала об'єктивним через текстову фіксацію, відкритим для Іншого (реципієнта) рухом у гносеологічному пошуку, де цей інший може / має стати повноцінним учасником конкретної пізнавальної пригоди / історії» [10, с. 19]. Или: «...прикметна для доктрини Чичеріна об'єктивна евристична спрямованість на системність...» [10, с. 42].

Однако рядом с автобиографичностью в книге «Професія кризь призму людяності» так или иначе доминирует строго научное осмысление состояния науки о литературе. Выражение: «говорити про...методологічні аспекти», – примечательно уже тем, что оно не только отражает стержневую направленность книги, но и осмысление базовых положений литературоведения. Представляя ключевые фигуры теоретиков литературы, анализируя основы их методологий, И. Козлик становится в определённое диалогично-оппозиционное положение по отношению, скажем, к польским учёным относительно кризисного состояния теории литературы [ср.: 12], акцентируя на стабильных основах, благодаря которым литературная теория получает возможность дальнейшего развития. Проблема современного взгляда на теорию литературы освещается И. Козликом многосторонне, что в свою очередь, требует детального изучения. Тут же привлекает внимание то, что каждая представленная в тексте личность своей научной деятельностью противостояла *порабощению разума* системой – «Методом и Новой Верой» (Ч. Милош), что требовало гражданского мужества. За такими фамилиями, как М. Бахтин, А. Чичерин, Ю. Лотман, М. Гиршман, Н. Копыстьянская, Н. Крутикова, М. Теплинский и многие др., встают их непростые биографии, свидетельствующие о сложных путях к свободе творчес-

кой мысли. Важно и то, что, создавая портрет каждого учёного, с кем свела И. Козлика его судьба, он акцентировал внимание не только на их весомом личном вкладе в науку, но и на их значении как воспитателей, энергия которых была направлена на формирование у своих учеников свободного, смелого и гуманистически направленного, согретого теплотой человеческого сердца мышления, чтобы в диалоге совместно идти к *Истине*.

В завершение надо заметить, что рядоположение «Порабощенного разума» Ч. Милоша с разноплановым художественным и литературоведческим контекстом демонстрирует характерную сущность, разновекторность и разнообразие форм противостояния порабощению разума, противостояния, которое одно только и вселяет надежду на перспективу полноценного существования человеческой цивилизации в её культуросозидательной ипостаси, когда, помимо всего прочего, человеческая личность сохраняет свой нравственно-культурный облик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева В. П. Микола Хвильовий / Віра Павлівна Агеева // Новели. Оповідання / Микола Хвильовий. – Київ : Наук. думка, 1995. – С. 5–30.
2. Богданова О. В. Современный взгляд на русскую литературу XIX – начала XX вв. / Ольга Владимировна Богданова. – Санкт-Петербург : ИПК Береста, 2016. – 388 с.
3. Британишский В. О Милоше и об этой его книге / В. Британишский // Порабощенный разум / Чеслав Милош. – Санкт-Петербург : Алтея, 2003. – С. 1–23.
4. Фояков И. Британишский Владимир Львович / И. Фояков // Литературный Санкт-Петербург. XX век : энциклопедический словарь в 3 т. / [гл. ред. и сост. О. В. Богданова]. – Санкт-Петербург, 2015. – Т. 1. – С. 311–312.
5. Franaszek A. Miłosz. Biografia / Andrzej Franaszek. – Kraków : Znak, 2011. – 519 s.
6. Herbert Zbigniew. Pan Cogito / Zbigniew Herbert. – Wrocław : Wydawnictwo Dolnośląskie, 1998. – 92 s.
7. Гром'як Р. Культура, політика, інтелігенція. Публіцистика літературознавства / Роман Гром'як. – Тернопіль : Джура, 2009. – 409 с.
8. Хамітов Н. Самотність у людському бутті. Досвід метаантропології / Назіп Хамітов. – Київ : Гранослов, 2000. – 251 с.
9. Костенко Л. Вибране / Ліна Костенко. – Київ : Дніпро, 1989. – 559 с.
10. Козлик І. Професія крізь призму людяності / Ігор Козлик. – Івано-Франківськ : Симфонія форте, 2016. – 228 с.
11. Милош Ч. Порабощенный разум / Чеслав Милош. – Санкт-Петербург : Алтея, 2003. – 158 с. – Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/13_m/il/osh_2.htm
12. Нич Р. Літературологія. Погляд на історію сучасної теоретико-літературної думки у Польщі / Ришард Нич // Теорія літератури в Польщі : Антологія текстів : Друга половина XX – початок XXI ст. : збірник / [упоряд. Б. Бакули; ред. В. Моренця, пер. з польск. С. Яковенка]. – Київ : Вид. дім. «Киево-Могилянська академія», 2008. – С. 12–37.
13. Оляндэр Л. Размышления над монографией О. В. Богдановой «Современный взгляд на русскую литературу XIX – начала XX вв. (классика в новом прочтении)» / Л. Оляндэр // Studia methodologica. – Тернопіль, Кельце : ТНПУ ім. В. Гнатюка і Університет Яна Кохановського (Польща), 2016. – Вип. 43. – С. 92–101.
14. Подосокорский Н. Умер поэт Владимир Британишский [Электронный ресурс] / Н. Подосокорский // Livejournal. – 2015. – 27 декабря. – Режим доступа: <http://philologist.livejournal.com/8088162.html>
15. Пospelов Д. А. Моделирование рассуждений. Опыт анализа мыслительных актов / Дмитрий Александрович Пospelов. – Москва : Радио и связь, 1989. – 184 с.
16. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин. – Москва : Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 3. – 558 с.

17. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Натали Пьеге-Гро. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
18. Тарнашинська Л. Сюжет Доби: Дискурс шістдесятництва в українській літературі ХХ століття / Людмила Тарнашинська – Київ : Академперіодика, 2013. – 678 с.
19. Тарнашинська Л. Українське шістдесятництво: профілі на тлі покоління / Людмила Тарнашинська. – Київ : Смолоскип, 2010. – 632 с.

REFERENCES

1. Aheieva, V.P. (1995), “Mykola Khvylovy”, *Khvylovy, M., Novels. Story* [“Mykola Khvyliovyi”, *Khvyliovyi, M., Novely. Opovidannia*], Naukova dumka, Kyiv, pp. 5-30. (in Ukrainian).
2. Bogdanova, O.V. (2016), *A modern view of the Russian literature of the XIX - early XX centuries* [*Sovremennyj vzglyad na russkuyu literaturu XIX - nachala XX vv.*], IPK Beresta, St. Petersburg, 388 p. (in Russian).
3. Britanishskij, V. (2003), “About Milose and this book of his”, *Miłosz, Cz., The enslaved mind* [“O Miloshe i ob etoj ego knige”, *Miłosz, Cz., Poraboshhennyj razum*], Alteya, St. Petersburg, pp. 1-23. (in Russian).
4. Fonyakov, I. (2015), “Britanishsky Vladimir Lvovich”, *Literary St. Petersburg. The twentieth century: encyclopedic dictionary of 3 vols.* Vol. 1 [“Britanishskij Vladimir Lvovich”, *Literaturnyj Sankt-Peterburg. XX vek: enciklopedicheskij slovar v 3 t. T. 1*], St. Petersburg, pp. 311-312. (in Russian).
5. Franaszek, A. (2011), *Miłosz. Biography* [*Miłosz. Biografia*], Znak, Kraków, 519 s. (in Polish).
6. Herbert, Zb. (1998), *Mr. Cogito* [*Pan Cogito*], Wydawnictwo Dolnośląskie, Wrocław, 92 s. (in Polish).
7. Hromiak, R. (2009), *Culture, politics, intellectuals. Journalism of literary criticism* [*Kultura, polityka, intelihentsiia. Publitsystyka literaturoznavstva*], Dzhura, Ternopil, 409 p. (in Ukrainian).
8. Khamitov, N. (2000), *Solitude in the human being. Experience of metaanthropology* [*Samotnist u liudskomu butti. Dosvid metaantropologii*], Hranoslov, Kyiv, 251 p. (in Ukrainian).
9. Kostenko, L. (1989), *Favourite* [*Vybrane*], Dnipro, Kyiv, 559 p. (in Ukrainian).
10. Kozlyk, I. (2016), *Profession through the light of humanity* [*Profesiia kriz pryzmu liudianosti*], Symfoniia forte, Ivano-Frankivsk, 228 p. (in Ukrainian).
11. Miłosz, Cz. (2003), *The enslaved mind* [*Poraboshhennyj razum*], Alteya, St. Petersburg, 158 p., available at: http://krotov.info/lib_sec/13_m/il/osh_2.htm (in Russian).
12. Nycz, R. (2008), “Literaturolohiya. A look at the history of modern theoretical and literary thought in Poland”, *Literary Theory in Poland: Anthology of Texts: The second half of XX - beginning of XXI century: collection* [“Literaturolohiia. Pohliad na istoriiu suchasnoi teoretyko-literaturnoi dumky u Polshchi ”, *Teoriia literatury v Polshchi: Antolohiia tekstiv: Druha polovyna KhKh – pochatok KhKhI st.: zbirnyk*], Vyd. dim “Kyievo-Mohylianska akademiia”, Kyiv, pp. 12-37. (in Ukrainian).
13. Oliander, L. (2016), “Reflections on the monograph O.V. Bogdanova ‘Modern view on Russian literature of the nineteenth and early twentieth centuries. (A classic in the new reading)’” [“Razmyshleniya nad monografiej O.V. Bogdanovoj ‘Sovremennyj vzglyad na russkuyu literaturu XIX - nachala XX vv. (klassika v novom prochtenii)’”], *Studia methodologica*, Issue 43, pp. 92-101. (in Russian).
14. Podosokorskij, N. (2015), “The poet Vladimir Britanishsky died” [“Umer poet Vladimir Britanishskij”], *Livejournal*, 27 December, available at: <http://philologist.livejournal.com/8088162.html> (in Russian).

15. Pospelov, D.A. (1989), *Modeling reasoning. Experience in the analysis of mental acts* [*Modelirovanie rassuzhdenij. Opyt analiza myslitelnykh aktov*], Radio i svyaz, Moscow, 184 p. (in Russian).
16. Pushkin, A.S. (1957), *Full composition of writings in 10 vols. Vol. 3* [Polnoe sobranie sochinenij v 10 t. T. 3], Izd-vo AN SSSR, Moscow, 558 p. (in Russian).
17. Pyege-Gro, N. (2008), *Introduction to the theory of intertextuality* [Vvedenie v teoriyu intertekstualnosti], Izd-vo LKI, Moscow, 240 p. (in Russian).
18. Tarnashynska, L. (2013), *Plot day: Discourse Ukrainian literature in the sixties of the twentieth century* [Siuzhet Doby: Dyskurs shistdesiatnytstva v ukrainskii literaturi KhKh stolittia], Akademierydyka, Kyiv, 678 p. (in Ukrainian).
19. Tarnashynska, L. (2010), *Ukrainian sixties profiles on the background generation* [Ukrainske shistdesiatnytstvo: profili na tli pokolinnia], Smoloskyp, Kyiv, 632 p. (in Ukrainian).

